

Лю Сяньань внимательно слушал долгое время. Он так сосредоточился, что в ушах даже начался лёгкий звон.

Окутанный ночным ветром и тонкой пеленой белого тумана, Лян Шу казался ещё более холодным и влажным, будто мороз проникал прямо в кости. Такой ледяной, неподвижный человек, без сердцебиения и пульса — неужели он всё ещё... жив?

Лю Сяньань невольно содрогнулся.

Уголки губ Лян Шу приподнялись, и он продолжил издеваться над ним с благородной невозмутимостью, полной беззаботности и лени.

Чэн Суюэ прошептала сквозь зубы:

— Братец, а второй молодой господин Лю что, уснул в объятиях принца?

Гао Линь тоже был в замешательстве. Почему тот так долго не двигается и не произносит ни слова?

В конце концов Лян Шу сам отстранил Лю Сяньаня.

Как бы ни была сильна внутренняя энергия его светлости, даже он не мог останавливать дыхание вечно — это было слишком рискованно. Увидев шокированное и растерянное выражение на лице Лю Сяньаня, он понял, что цель достигнута, и слегка наклонившись, заглянул ему в глаза. В прекрасном настроении он спросил:

— Что с травмой этого господина? Неужели что-то не так?

Лю Сяньань не знал, что ответить. Ведь если у обычного человека пропадает сердцебиение... Однако его королевское высочество выглядел совершенно нормально. Неужели в мире существует настолько злое боевое искусство, способное превратить плоть и кровь в камень?

В серьёзных медицинских трактатах он не встречал подобных записей, но в дешёвых народных сказках читал о южных варварах, создающих живых кукол из умерших. Все эти методы были крайне жестокими, но ведь благородный командующий армией не мог пойти по такому пути?

— Ваша светлость в последнее время испытывали недомогания? — задумавшись, наконец, спросил Лю Сяньань.

— Испытывал, — Лян Шу поправил плащ, притворно потирая виски. — Головные боли, учащённое сердцебиение, боли в желудке, временное онемение и слабость в конечностях,

плохой аппетит, бессонница, трудности с засыпанием и кошмары.

Чэн Суюэ остолбенела от этого перечня симптомов. Она уставилась на брата:

— Когда наш принц успел так заболеть? Почему ты мне ничего не сказал?

Гао Линь с сложными чувствами положил руку ей на плечо. Тысячи слов застряли у него в горле.

Поверь мне, принц в полном порядке. Ему просто нечем заняться.

Чэн Суюэ: «.....»

Лю Сяньань снова проверил пульс Лян Шу. Не знал, играло ли тут роль воображение, но на этот раз запястье показалось ему ещё холоднее. Хотя точную причину он определить не мог, недостаток янской энергии и избыток иньского холода всегда вредили организму.

Как раз в этот момент под его пальцами пульс слабо дрогнул. Он тут же попытался проверить снова, но Лян Шу уже спокойно убрал руку в рукав.

Лю Сяньань неуверенно произнёс:— Ваша светлость...

— Эта травма у меня уже много лет. - великодушно ответил Лян Шу - Если второй молодой господин Лю не может поставить диагноз, не стоит себя мучить.

Лю Сяньань искренне хотел попробовать ещё раз, но не был уверен в результате. Экспериментировать на его королевском высочестве он не мог, поэтому в итоге просто выписал согревающий тонизирующий отвар и передал его Чэн Суюэ, извиняясь:

— Виноват, мои медицинские познания недостаточны.

— Не говорите так, второй молодой господин Лю, — утешила его Чэн Суюэ. — Врачи из Императорской больницы тоже прописывают подобные лекарства и советуют хорошенько отдыхать. Возможно, эта травма действительно требует покоя, но принц просто не может сидеть на месте.

— Почему не может? - спросил при лунном свете Лю Сяньань, отбирая травы для отвара.

Чэн Суюэ вздохнула.

— В восемнадцати городах на северо-западе вечно какие-то проблемы. А когда возвращаемся в

столицу, эти старики при дворе только и делают, что... кхм, много болтают. Хотя последние два года ситуация стабилизировалась, до всеобщего мира ещё далеко. Хаос на юго-востоке и северо-западе... Ради спокойствия принцу приходилось садиться в седло и браться за меч, даже когда всё тело было в ранах.

Она поправила прядь волос: — На этот раз император отправил принца в Деревню Белого Лотоса не только ради брака, но и чтобы он наконец отдохнул. Ему нужно обустроить дом, а не вечно скитаться одному. В усадьбе Сяо-вана и так уже сорняки по пояс выросли.

При упоминании брака Лю Сяньань замер, затем обернулся и серьёзно предложил:

— Тогда его высочеству стоит поискать спокойную девушку для хозяйства. А-Юань избалована и своенравна.

— Говорите так, потому что не хотите отпускать сестру? – рассмеялась Чэн Суюэ - Я слышала, мисс Лю прекрасна, как фея, и все молодые люди в Байхэ обожают её.

— Нет, не прекрасна, — вспомнив требования Лян Шу к невесте («главное — красота»), Лю Сяньань категорично отверг это. — Разве можно верить слухам? Если нужна ослепительная красавица, лучше искать в великолепном Ванчэне.

Чэн Суюэ не согласилась с ним — факт был перед глазами. Какой бы прекрасной ни была столица, там не нашлось бы мужчины красивее второго молодого господина Лю. Очевидно, красота никак не связана с местом проживания.

Лю Сяньань спросил снова:

— А какие люди нравятся принцу?

— Принцу?.. — Чэн Суюэ задумалась, затем покачала головой. — Кажется, он никогда не задумывался об этом. В прошлом году королевство Наньян Фэй предлагало брак, но ничего не вышло. Почему?.. Ах да, принцесса слишком любила петь и танцевать, и принцу это показалось утомительным.

«Слишком шумно — утомительно?» Лю Сяньань мысленно отметил это, чувствуя, что нашёл ключевой момент для срыва свадьбы.

Тем временем Гао Линь, подобно старой няньке, допытывал принца.

— Что произошло во время осмотра? Почему у второго молодого господина Лю был такой вид?

— Потому что я скрыл пульс и сердцебиение. - ответил Лян Шу.

Гао Линь остолбенел, его мозг почти взорвался от этой абсурдной логики. Зачем скрывать пульс от врача? Какой в этом смысл? Кто в итоге пострадает? В худшем случае второй молодой господин Лю немного удивится и забудет.

Даже медвежонок старого Чжао из усадьбы, носящий штаны с прорезью, ведёт себя разумнее — он всего лишь дёргает девчонок за косички.

Генерал Гао вздохнул и предпочёл не продолжать разговор.

Этой ночью Лю Сяньань представлял собой редкое зрелище — он писал письмо в карете. В основном спрашивал отца, известны ли тому какие-либо травмы, яды или боевые искусства, способные лишить человека пульса, сердцебиения и сделать кожу холодной, как камень. Закончив, он сунул письмо в рукав, планируя отправить его на ближайшей почтовой станции.

Однако осуществить это удалось лишь более чем через месяц. По пути они наткнулись на почтовую станцию, но та была заперта. А-Нин достал из щели двери полуоторванное объявление: станцию перенесли, но куда именно — не указано. На бумаге красовалась печать Чися-чэна, что означало — всё это дело рук Ши Ханьхая. До города оставалось около десяти дней пути.

— Ржавчины на замках почти нет, — Лю Сяньань взглянул на хмурые тучи. — В этот сезон высокая влажность. Станцию закрыли недавно.

— Голод и чума, власти бездействуют, но нашли время перенести почту, — Чэн Суюэ с размаху пнула ворота, подняв облако пыли. Охранники принялись наводить порядок, готовясь переночевать здесь.

А-Нин отправился в кухню кипятить воду. Лю Сяньань последовал за ним, рассеянно озираясь. Краем глаза он заметил в углу большой кувшин и от нечего делать приподнял крышку — и замер.

— Что там? — спросил, застывший в дверях Лян Шу.

— Еда. Не много, но на десять дней хватит. Как её могли просто оставить здесь?

Лян Шу зачерпнул горсть зерна — ни плесени, ни сора, вполне съедобное.

Вскоре охранники обнаружили, что большинство документов на станции остались на месте, даже одежда в спальнях. Это не походило на плановый переезд, скорее на бегство — словно все в панике схватили самое необходимое и исчезли.

— Печать подлинная, — Гао Линь перечитал объявление. — Зачем Ши Ханьхаю изолировать Чися-чэн? Полностью отрезать от внешнего мира?

— Небо высоко, император далеко, — Чэн Суюэ сжала рукоять меча. — Запертые городские ворота — вот и весь его закон. Теперь люди не могут даже письмо отправить.

— Гуньян Чэн, но мы же почти не встречали беженцев, — А-Нин, уже освоившийся с людьми из дворца Сяо-вана, понизил голос. — Больные чумой далеко не уйдут, но в городе должны быть здоровые. Почему они не бегут от голода?

— Наверное, Ши запер ворота, чтобы скрыть свои преступления. Настоящая мразь.

Лю Сяньань слушал, представляя ужасы в городе, и невольно вздохнул о тяготах мира. Он бросил взгляд в сторону — в сгущающихся сумерках Лян Шу был подобен тени. Хотя выражение его лица разглядеть было невозможно, исходящая от него убийственная аура лишь набирала силу, обретая ледяную пронзительность, способную пронзить до костей.

В памяти Лю Сяньаня всплыла та ночная проверка пульса. Он так и не нашёл ответа, что может заставить живого человека казаться каменным изваянием. А-Нин, конечно, не верил, уверенно заявляя, что молодой господин просто ошибся! Но Лю Сяньань знал — он не ошибался, и жаждал доказать это.

Поскольку назавтра предстоял ранний выезд, все легли спать пораньше. В комнатах стоял затхлый запах, способный «замариновать» мозг. Никто не хотел там оставаться, поэтому во дворе развели костры, устроившись на ночь у столбов.

А-Нин принёс горячую воду для умывания и уже готовил постель, как вдруг увидел, что его молодой господин на цыпочках крадёт к противоположному концу зала.

— Молодой господин? — растерянно прошептал он.

Лю Сяньань махнул рукой, веля не шуметь, и продолжил путь. Подойдя к Лян Шу, он осторожно присел, затаив дыхание, и снова положил два пальца на его запястье.

Пульса по-прежнему не было.

Лю Сяньань отпустил руку и, вместо того чтобы слушать сердце, поднёс тыльную сторону согнутого указательного пальца к носу Лян Шу, проверяя дыхание. Но не успел он приблизиться, как его колено внезапно подкосилось, и он рухнул прямо в объятия того, кого пытался обследовать.

— Ай! — потирая ушибленный нос, поспешил он подняться.

Лян Шу открыл глаза, с удивлением глядя на него.

Лю Сяньань тут же нашёл оправдание: «Проходил мимо, оступился, потревожил вашу светлость, немедленно удаляюсь».

И он ретировался с рекордной за всю поездку скоростью. Полы его белых одежд чуть не угодили в костёр, едва не загоревшись.

— Молодой господин, что это было? —оттащил его за столб А-Нин.

Длинная история, но Лю Сяньань, у которого от боли в носу выступили слёзы, лишь закутался в одеяло, пытаюсь сбежать от реальности в свои «Три тысячи путей», блуждая в туманах бесконечности.

А-Нин: «.....»

Тем временем Гао Линь взывал к разуму принца:

— Можете, в следующий раз не пугать второго молодого господина Лю? Подумайте — это первый врач, который сам проявил инициативу, без приказов императора. Разве это не стоит ценить?

Лян Шу подбросил в огонь горошину — именно ею он только что ударил Лю Сяньаня по колену. Какими бы тихими ни были шаги учёного, они не ускользнули от слуха мастера. Два холодных пальца на запястье, настойчиво ищущие пульс — даже если бы его светлость был под сильнейшим снотворным, это разбудило бы его.

Гао Линь не понимал этой «забавы». В его опыте «подшучивания» принца обычно заключались в том, чтобы заставить варваров носиться по пустыне или подставить коррумпированных чиновников. Но тратить столько усилий, чтобы какой-то молодой господин ушиб нос? Это было за гранью его понимания.

Лян Шу махнул рукой, прогоняя Гао Линя.

Он обнаружил, что его скрываемый пульс работает, как приманка. Это заставляет Лю Сяньаня ненадолго покидать свой отстранённый мир, проявляя редкие эмоции. Хотя тот быстро снова закрывается, но в эти моменты на его лице можно увидеть настоящее изумление и напряжение.

Лян Шу откинулся на столб, бросая взгляд в сторону.

У костра Лю Сяньань, закутавшись в одеяло, напоминал кокон.

Хотя он не двигался, сонным его назвать было нельзя.

«Три тысячи путей» пошатнулись от действий его светлости. Редко испытывающий смущение, Лю Сяньань высунул руку из одеяла и вцепился пальцами в землю, так что они побелели от напряжения.

Всё рождается из почвы и в неё возвращается. Если все — прах, то жизнь и смерть не важны.

А если даже они не важны, то тем более неважно, как ты оказался в чьих-то объятиях посреди ночи.

Это было логично.

Лю Сяньань облегчённо вздохнул.

На душе стало немного легче.

<http://bllate.org/book/14628/1297851>